

With thanks to **Wohl Legacy** for their generous sponsorship of *Covenant & Conversation*.
Maurice was a visionary philanthropist. Vivienne was a woman of the deepest humility.
Together, they were a unique partnership of dedication and grace, for whom living was giving.

Перевод с английского **Светланы Силаковой**

Зарождение справедливости (глава «Берешит»)

Есть слова, меняющие мир, — а всего сильнее его изменили две фразы из первой главы Торы:

«Сказал Б-г: “Создадим человека по Нашему образу и Нашему подобию — и пусть он властвует над рыбами в морях, и над птицами в небе, и над животными, над всею землей и над всеми существами, снующими по земле”.

И сотворил Б-г человека по Своему образу, по образу Б-га сотворил Он их, сотворил их мужчиной и женщиной» (Берешит, 1:26–27).

Изложенная здесь идея вдохновила самые крупные преобразования во всей истории нравственной и политической мысли. Она стала фундаментом западной цивилизации, чья уникальность в том, что она делает упор на индивиде и равенстве. Эта же идея стоит за словами Томаса Джефферсона в Декларации независимости США: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами...» Но эта истина *далеко не* самоочевидна. Ее счел бы абсурдной Платон, предлагавший положить в основу общества миф о классификации людей на золотых, серебряных и медных, причем принадлежность к той или иной категории предопределяла социальный статус человека. Аристотель полагал, что одни рождаются, чтобы управлять, а другие — чтобы ими управляли.

Революционные высказывания не оказывают чудодейственного эффекта моментально. Как разъяснял в «Путеводителе растерянных» Рамбам, людям нужно много времени на то, чтобы измениться. Время — питательная среда, с которой работает Тора. Тора не отменила рабство, но породила ряд явлений и перемен (самое примечательное — шабат, когда все иерархии власти временно отменялись и рабы на один день в неделю получали свободу), которые были обречены со временем привести к отмене рабства. Люди далеко не сразу понимают, какие именно выводы вытекают из той или иной идеи. Томас Джефферсон, поборник равенства, был рабовладельцем. В Соединенных Штатах рабство отменили только в 60-х годах XIX века, причем не обошлось без

гражданской войны. Вдобавок, как указал Авраам Линкольн, и защитники института рабства, и критики рабства обосновывали свои аргументы цитатами из Библии. Но в конце концов люди меняются — и происходит это благодаря силе идей, давным-давно зароненных в сознание.

Что конкретно сказано в первой главе Торы? Прежде всего стоит обратить внимание на тот факт, что это не афоризм, который можно было бы рассматривать сам по себе, не фраза вне контекста. На самом деле это полемический выпад, протест против определенной концепции вселенной. Во всех древних мифах устройство мира объясняли междо-усобными битвами богов в борьбе за верховенство. Тора полностью и категорично отвергает такой образ мыслей. Б-г говорит — и вселенная возникает. Именно это, по словам великого социолога XIX века Макса Вебера, стало концом мифа и рождением западного рационализма.

Еще существеннее, что это сформировало новый способ осмысления вселенной. Как в древнем мире мифов, так и в современном мире науки центральное место занимает понятие власти, силы, энергии. Чрезвычайно существенно, что в первой главе «Берешит» это понятие отсутствует. Б-г говорит о чем-то: «пусть будет», и оно возникает. Здесь даже не упоминается о власти, сопротивлении, завоевании или противоборстве сил. А ключевое для этого рассказа слово, употребленное в нем семь раз, — совершенно неожиданное. Это слово «тов» — «хорошо».

«Тов» — термин из сферы нравственности. В первой главе «Берешит» Тора сообщает нам нечто радикальное. Реальность, своеобразным путеводителем по которой является Тора (само слово «Тора» означает «руководство, наставление, закон»), это *нравственно-этическая сфера*. «Берешит» ищет ответ не на вопрос «как возникла вселенная», а на вопрос «как нам, исходя из этого, следует жить». Вот важнейшая смена парадигм, осуществленная Торой. Самое главное во вселенной, которую сотворил Б-г, в которой живем мы, — это не власть и господство, а «тов» и «ра», добро и зло¹. Впервые произошла этизация религии. Б-г ценит справедливость, сострадание, верность, милосердие, человеческое достоинство и священность жизни.

Принцип, делающий первую главу «Берешит» полемическим выпадом, раундом в споре, имеющем свою предысторию, чрезвычайно важен, чтобы постичь мысль о том, что Б-г сотворил человечество по Своему образу и подобию. Первым читателям Торы такая формулировка не была в новинку. Они хорошо знали такие формулировки. Подобные выражения были обычны для первых цивилизаций Месопотамии и Древнего Египта. Об определенных людях говорили, что они подобны божественному образу. То были цари месопотамских городов-государств и египетские фараоны. Поэтому утверждение, что по образу Б-жьему созданы не только цари, было радикальнейшим из радикальных. Мы все созданы по образу Б-жьему. Эта мысль даже сегодня звучит дерзко, а уж в эпоху абсолютных правителей, обладавших абсолютной властью, в ней было стократ больше дерзости.

При такой трактовке Берешит, 1:26–27 — не столько метафизическое высказывание о природе человека, сколько *политический протест против устоев иерархических, классовых или кастовых обществ* как в древности, так и в нашу эпоху. Потому-то в этих двух стихах содержится самая пламенно-бунтарская идея в Торе. В некоем основополагающем смысле мы все равны по человеческому достоинству и истинной ценности, ибо все мы, какого бы цвета ни была наша кожа, к какой культуре или вероисповеданию мы бы ни принадлежали, сотворены по образу Б-га.

¹ С изложением того, как я понимаю смысл истории об Адаме, Хаве и древе познания, мне придется погодить до другого раза. Тем временем загляните в «Путеводитель растерянных» Маймонида, 1:2. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.*

Сходная мысль появляется в последующих главах Торы в отношении еврейского народа, когда Б-г призывает евреев стать «царством священников и святым народом» (Шмот, 19:6). В Древнем мире священнослужители были во всех странах, но ни одна страна не была «царством священников». Во всех религиях есть святые люди, но ни одна не объявляла себя народом, все до одного представители которого святы. Это тоже воплотилось в жизнь лишь спустя долгое время. На протяжении всей библейской эры существовали иерархии. Были священники и первосвященники, святая элита. Но после разрушения Второго храма каждая молитва стала жертвоприношением, каждый, кто руководит молитвой, — священнослужителем, а каждая синагога — фрагментом Храма. Прямо под поверхностью Торы делает свое дело глубокий эгалитаризм; раввины знали об этом и жили сообразно этому.

Вторая идея содержится во фразе: «...И пусть он владычествует над рыбами в морях, и над птицами в небе». Обратите внимание: тут нет и намека на то, что кто-либо имеет право владычествовать над любым другим человеком. Мильтон в «Потерянном рае», совсем как Мидраш, утверждает, что в этом состоял грех Нимрода, первого великого правителя Ассирии и, соответственно, строителя Вавилонской башни (см.: Берешит, 10:8–11). Мильтон пишет: когда Адаму сказали, что Нимрод «незаслуженно присвоит власть»² над своими братьями-людьми, Адам ужаснулся:

*О, гнусный сын, что на свободу братьев
Преступно посягнул, над ними власть
Присвоив незаконно! Ведь Г-сподь
Ее не уделил. Он всякий скот
Дал в обладанье нам, и птиц, и рыб,
Но Человеку власти над людьми
Он не вручал, оставив за Собой
Главенство, род людской освободив
От послушанья людям³.*

В те времена было совершенно немыслимо оспаривать право людей владычествовать над другими людьми без согласия последних. Такое право существовало во всех развитых обществах. Да и могли ли эти общества быть иными? Ведь так была устроена вселенная в целом, не правда ли? Разве солнце не управляло днем? Разве луна не управляла ночью? Разве на самих небесах не было иерархии богов? Здесь уже заложено в подтексте глубоко неоднозначное отношение, которое Тора в конце концов проявит в отношении самого института монархии, власти одного «человека над людьми».

Третий вывод содержится в крайней парадоксальности слов Б-га: «Создадим человека по Нашему образу и Нашему подобию». Читая эти слова, мы порой забываем, что в иудаизме Б-г *не имеет образа и подобия*. Создать образ Б-га значило бы преступить вторую из десяти заповедей и совершить грех идолопоклонничества. Моше подчеркивал, что, когда было дано откровение на Синае, люди «образа [Б-га] не видели — только голос [Его звучал]» (Дварим, 4:12).

² Подстрочный перевод, более точно передающий смысл. Сравните со стихотворным переводом ниже. — *Примеч. перев*

³ «Потерянный рай», книга XII:64–71. Перевод Арк. Штейнберга под редакцией С. Шервинского. — *Примеч. перев.*

Б-г не имеет образа, так как Он — не физическое существо. Он выше физической вселенной, потому что Он ее сотворил. Следовательно, Он свободен, Его не сковывают законы материального мира. Вот что имеет в виду Б-г, сообщая Моше, что Его имя — «Я-Тот-Кто-Я-Есмь» (Шмот, 3:14), а также позднее, когда после греха с золотым тельцом говорит ему: «Я оказываю милость тому, кого [хочу] помиловать» (Шмот, 33:19). Б-г свободен и, создав нас по Своему образу, дал и нам полномочия на то, чтобы быть свободными.

Это, как четко разъясняет Тора, стало самым роковым подарком Б-га. Получив свободу, люди злоупотребляют ей. Адам и Хава ослушались повеления Б-га. Каин убил Авеля. В конце нашей недельной главы мы оказываемся в мире накануне Потопа, до такой степени изобилующем разбоем, что Б-г пожалел о сотворении человечества. Такова главная драма Танаха и иудаизма в целом. Воспользуемся ли мы нашей свободой, чтобы соблюдать порядок, либо злоупотребим ею, чтобы сеять хаос? Окажемся ли мы достойны образа Б-га, живущего в человеческом уме и сердце, либо опозорим этот образ?

Эти вопросы звучали не только в древности. Сегодня они не менее актуальны, чем в прошлом. С тех пор как Ницше призвал отбросить и Б-га, и иудео-христианскую этику, серьезные мыслители ставят вопрос: смогут ли справедливость, права человека и человеческое достоинство сохраняться, если люди будут опираться исключительно на секулярные ценности? Сам Ницше считал: нет, не смогут.

В 2008 году философ из Йельского университета Николас Уолтерсторф опубликовал авторитетный труд, в котором утверждал, что западное понятие справедливости зиждется на убеждении в том, что «все мы обладаем огромной и одинаковой ценностью: ценность эта обусловлена тем, что мы сотворены по образу Б-жьему и Б-г нас любит»⁴. Он уверяет, что нет ни одного секулярного аргумента, на котором можно было бы выстроить похожую систему справедливости. Именно это подразумевал Джон Ф. Кеннеди, говоря в своей инаугурационной речи о «революционных убеждениях, за которые воевали наши отцы» — убеждениях в том, что «права человека даны ему не щедротами государства, но Б-жьей дланью»⁵.

Великие идеи сформировали Запад, каким мы его знаем: права человека, отмена рабства, равная ценность всех людей, справедливость, основанная на принципе, что правота берет верх над силой⁶. В конечном счете все эти идеи вытекают из утверждения в первой главе Торы, что мы созданы по образу и подобию Б-га. Ни один другой текст не повлиял сильнее на нравственную мысль, ни одна другая цивилизация никогда в истории не порождала более возвышенного идеала, которому нас призывают соответствовать.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁴ Justice: Rights and Wrongs. Princeton University Press. P. 393.

⁵ Речь была произнесена 20 января 1961 года в Вашингтоне.

⁶ Здесь обыгрывается известный английский афоризм «Кто силен, тот и прав». — *Примеч. перев.*